Северная правда
г. Кострома

1823 — 1973

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

ЮБИЛЕЙНАЯ СТРАНИЦА

НАРОДНЫЕ МОТИВЫ «СНЕГУРОЧКИ»

В ЗАМЕТКЕ А. Н. Островского о Диккенсе есть такие строки: «Для того, чтобы быть народным писателем, мало одной любви к родине, — любовь дает только энергию, чувство, а содержания не дает, надобно еще хорошо знать свой народ, сойтись с ним покороче, сродниться. Самая лучшая школа для художественного таланта есть изучение своей народности, а воспроизведение ее в художественных формах — самое лучшее поприще для творческой деятельности»*.

Островский знал и любил свой народ. С восхищением и гордостью писал он о «земляках своих возлюбленных»—костромичах: «...Народ и рослый, и красивый, и умный, и откровенный, и обязательный, и вольный ум, и душа нараспашку...»**

В весенней пьесе-сказке «Снегурочка» воплотился весь тот богатый опыт в области изучения жизни родного народа, его истории, обычаев, языка, творчества, который всю жизнь накапливал драматург.

Работать над «Снегурочкой» Островский начал в марте 1873 года. Сохранилось два варианта пьесы. Первоначально основой должна была стать русская народная сказка о девушке Снегурочке. Предполагалось использовать сказочные мотивы об Иване-царевиче.

Второй вариант уже во многом соответствовал окончательному тексту. Разрабатывается тема Берендеева царства. Действие происходит в лесу, во дворце Берендея, у избы Бобыля, на озере. Появляются образы Мизгиря, Купавы, Леля. Постепенно вырисовывалась чудесная история дочери Мороза и Весны—Снегурочки, которая гибнет, обожженная пламенем любви.

Работая над «Снегурочкой», Островский изучал «Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева, записи песен П. Н. Рыбникова, А. В. Терещенко, Т. И. Филиппова, П. В. Киреевского, использовал свои этнографические материалы, собранные во время литературной экспедиции по Волге в 1856 году.

Пьеса настолько увлекла Островского, что писал он ее как бы на одном дыхании. В начале апреля работа была уже закончена. В девятом номере журнала «Вестник Европы» за 1873 год «Снегурочка» была опубликована.

Отзывы критики были самые разноречивые. Некоторые называли пьесу «чужеземным продуктом», в котором нет ничего от русской народной поэзии. Эти выпады не имели под собой никакой почвы и потому потонули в массе восторженных отзывов о пьесе.

Даже поверхностный анализ художественных особенностей «Снегурочки» показывает глубокую народную основу этого произведения. В пьесу органически влились все струи фольклора. Здесь представлены наиболее интересные и важные обряды: календарные (масленица и семик), часть свадебного обряда (выкуп невесты).

Обряды не являются в пьесе лишь красочным орнаментом, но несут композиционную и тематическую нагрузку. Так, пролог «Снегурочки» заканчивается обрядом проводов зимы и встречи весны, который заключает в себе философский подтекст: люди, прощаясь с зимой, изгоняют вместе с ней душевный холод и радостно принимают в сердца тепло, любовь.

Символичен и обряд встречи Ярилы-солнца в последнем акте пьесы. Гибнет от солнечных лучей Снегурочка, вкусив перед смертью жгучую радость любви. Но финал пьесы звучит оптимистически, ибо гибель Снегурочки вернула стране берендеев солнечное тепло, а вместе с ним воскресли в людях все добрые начала. Поэтому и заканчивается пьеса радостным гимном солнцу:

«Свет и сила,
Бог Ярило,
Красное солнце наше!
Нет тебя в мире краше».

Великолепен язык пьесы, вобравший в себя все лучшее, что есть в народном языке. «Снегурочка» — это гимн драматурга «великому, могучему, правдивому и свободному русскому языку».

Стиль и язык пьесы, исторически прикрепленный к древним временам, драматург приближает к былинно-сказовому. Уместно звучат здесь диалектные слова и архаизмы. Вот несколько примеров включения в текст пьесы местных выражений, объяснение которым находим в «Материалах для словаря русского народного языка»*, собранных А. Н. Островским:

«Минует лето красное,
Сгорят огни купальные.
Пройдет и осень желтая
С снопом, с скирдом
и с братчиной,
Потемки ночи темные
Карачуна проводите».
(Монолог Масленицы. «Снегурочка», пролог, явл. 4).
(Карачун — м. рождественский пост, филипповки).

Отрок докладывает царю о приходе Купавы (д. II, явл. 2):

«Девушка красная
Просится, кучится
Взнесть челобитьице».
(Кучиться — жаловаться на что-либо).

Список подслушанных в народной среде слов можно было бы при необходимости увеличить намного.

Не выдуманы Островским также имена персонажей пьесы и даже само название Берендеева царства. В одном из уездов Владимирской губернии существовало Берендеево болото, образовавшееся, по преданию, на месте царства берендеев. Возможно, путешествуя из Москвы в свое имение Щелыково до 1871 года по Галичскому тракту, Островский и услышал эту легенду от ямщиков. А празднование Ярилина дня в пьесе происходит на Ярилиной долине, которая и сейчас еще существует поблизости от Щелыкова. И даже описание некоторых мест, где происходит действие «Снегурочки», во многом совпадает со щелыковскими пейзажами.

Из народной сказки о Мизгире позаимствовано имя торгового гостя из Берендеева посада. И как метко характеризует оно его: ведь слово «мизгирь» в старинном русском языке обозначало то же, что в нашем «паук».

«Снегурочка», пожалуй,—самое музыкальное произведение Островского по количеству включенных в него народных песен и их стилизаций. Источником одной из них, «Песни гусляров», несомненно послужило «Слово о полку Игореве». А. Н. Островский сконцентрировал в этой пьесе основную идею древнерусской поэмы: осуждение кровавых войн, усобиц и призыв к миру.

Народная основа пьесы Островского была понятна и оценена современниками. Редактор журнала «Вестник Европы» М. М. Стасюлевич писал автору: «На днях у меня собрались И. А. Гончаров и А. Н. Пыпин, и мы, благодаря «Снегурочке», провели вечер как нельзя приятнее. Мы удивлялись и силе фантазии, и покорности ей со стороны языка. Вы превосходно изучили наш сказочный мир и воспроизвели его так искусно, что видишь и слышишь какой-то реальный мир. Исполать Вам!»

Премьера пьесы в Московском Малом театре состоялась 11 мая 1873 года. Музыка к спектаклю была написана П. И. Чайковским. Хотя премьера прошла с большим успехом, постановка в целом была неудачной. А. Н. Островский в это время находился в Щелыкове и информацию о премьере получил от своего ученика актера Малого театра М. П. Садовского, который, указывая на внимание и интерес публики, на прекрасную игру Г. Н. Федотовой (Снегурочка) и Е. П. Кадминой (Лель), отмечает многочисленные технические промахи и неполадки, мешавшие восприятию пьесы.

На русской и советской сцене было осуществлено несколько интересных постановок «Снегурочки». В 1900 г. пьеса была поставлена К. С. Станиславским на сцене МХТа в сопровождении музыки А. Т. Гречанинова. В том же году пьеса с успехом шла на сценах Московского Нового театра (пост. А. П. Ленский) и Александринского театра в Петербурге.

Наиболее значительной постановкой «Снегурочки» в советское время был спектакль Московского Малого театра 1922 года с участием молодых исполнителей: Н. А. Белевцевой — Снегурочка, Е. Н. Гоголевой — Весна, О. Д. Кашперовой — Лель, О. Н. Поляковой — Купава. Этой постановкой дебютировал как режиссер П. М. Садовский, которого пьеса привлекала сказочным народным колоритом:

«Снегурочка» — гордость русской поэзии, одно из самых поэтических произведений Островского, недостаточно оцененное критикой и публикой и малоиспользованное на сцене... Эта сказка по глубокой красоте своей, по русской шириразмаха поэта, по удивительному соединению тонкого, добродушного и нежного юмора с местами, доходящими до трагического подъема, далеко выше того, как она обычно понимается и принимается. В нашей постановке мы прежде всего чувствуем обаяние сказочных чудесных образов Весны, Снегурочки, всей светлой и поэтической страны Берендея».

Говоря о «Снегурочке», нельзя не упомянуть о Щелыкове, сказочно - неповторимая природа которого как бы оживает в чудесных пейзажах пьесы. «Холодные овраги и мединые», где «до середины лета лежат снега», живописные берега студеных, с причудливыми извилинами лесных речек, таинственная глушь лесов с неожиданными солнечными полянками и жужжание пчел над пестрыми от цветов лугами, и разноголосье птиц по утрам...

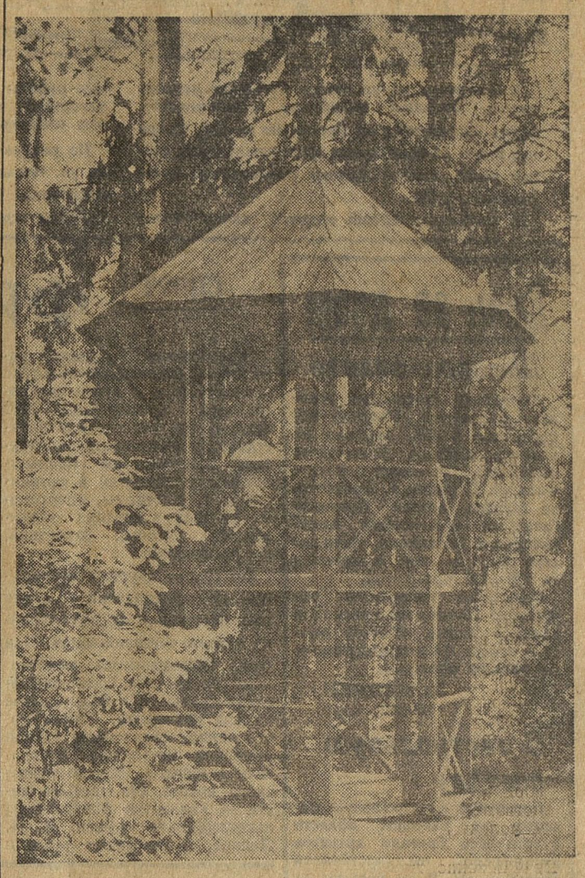
Поэтическая красота Щелыкова дождалась в А. Н. Островском своего восторженного поклонника и вдохновенного певца. Художественный вымысел и реальность нерасторжимо слились в прекрасной гармонии пьесы, и уже не понять, где кончается сказка и начинается жизнь. И почему-то хочется верить, что именно здесь, на густо поросшем ромашками холме Харина луга, встречали берендеи восход Ярилы и что Голубой ключик бьет на том месте, где когда-то растаяла Снегурочка...

Г. ВОИТОВА,
зав. сектором литературной пропаганды музея А. Н. Островского.
Щелыково.

* А. Н. Островский. «О романе Ч. Диккенса «Домби и сын». ПСС, т. XIII, стр. 137. ГИХЛ, М., 1952.

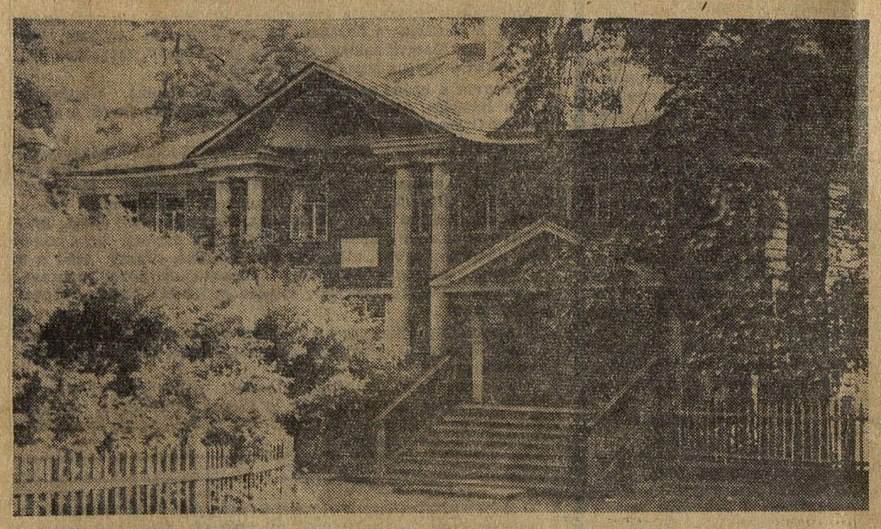
** А. Н. Островский. «Первая поездка в Щелыково 1848 г.». ПСС, т. XIII, стр. 180. ГИХЛ, М., 1952.

* А. Н. Островский. «Материалы для словаря русского народного языка. ПСС. ГИХЛ, М., 1952, стр. 305—365.



ЩЕЛЫКОВО. Голубая беседка.

Фото А. Шикалова.



ЩЕЛЫКОВО. Дом Островского.

ЩЕЛЫКОВО. Ярилина долина.

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

В 18 КИЛОМЕТРАХ от Кинешмы находится бывшая усадьба А. Н. Островского — Щелыково. Неподалеку от усадьбы расположено село Н-Бережки, где жили мои дедушка Иван Викторович Соболев, бабушка Евпраксинья Аристарховна и мой отец Иван Иванович Соболев.

В детстве, да и позже, когда мы уже стали взрослыми, мы всей семьей с большим интересом часто слушали рассказы отца об Александре Николаевиче Островском. Он был простым, прекрасным и душевным человеком.

Расскажу о некоторых запомнившихся мне рассказах отца.

Александр Николаевич очень часто бывал в доме дедушки Ивана Викторовича — талантливого резчика по дереву. Островский очень интересовался резным делом и, бывая у дедушки, учился у него этому ремеслу.

В доме дедушки часто бывали и члены семьи Александра Николаевича, близкие, родные и знакомые.

Однажды, рассказывал отец, дед сделал самоходные корытни, оснащенные рулем, колесами, фонарями. Самоходные корытни были похожи на небольшой пароходик. На этих корытнях отец любил кататься по реке Куекше. Семья Островских вечером тоже любила кататься на лодке.

Однажды, катаясь на своих корытнях, отец увидел приближающуюся лодку, в которой была семья Островских. Подъехав к корытням, все захотели покататься на них и попросили отца, чтоб он им разрешил покататься. В момент пересадки из лодки в корытни лодка перевернулась, и все оказались в воде.

Что было делать? Выбрались на берег и тут же решили идти в дом к дедушке обсушиться. Отец с особым удовольствием рассказывал, как бабушка предлагала свои юбки и кофты, чтобы гости могли переодеться в них и просушить свою одежду, угощала их деревенскими колобками с молоком. Несмотря на то, что гости были не крестьянского происхождения, никто не отказался надеть простую юбку и кофту, отведать деревенских колобков с молоком.

Простые, прекрасные люди никогда не считали зазорным бывать и угощаться в простонародной и бедной семье. Такой была семья Островских, и особенно сам Александр Николаевич.

Часто бывая у дедушки, Александр Николаевич всегда проявлял большое внимание ко всему. Видя, что у дедушки растет сын Иван (мой отец), Александр Николаевич как-то сказал дедушке: «Нужно сына учить. Пусть завтра приходит ко мне». На другой день с большой радостью отец пошел к Александру Николаевичу. И с того дня бывал в доме Островских каждый день.

— Как-то раз, — рассказывал отец, — пришел я к Александру Николаевичу, а у них в гостиной полно гостей. Я было шапку в охапку да бежать. Увидел меня Александр Николаевич и говорит: «Ваня, проходи и садись, гостем будешь».

Еще отец рассказывал, что Александр Николаевич всегда был очень приветлив и добр, внимателен к людям и старался сделать так, чтобы всем было приятно.

Однажды Александр Николаевич пригласил Ваню (моего отца) ловить рыбу в своем пруду, чему Ваня был очень рад. Когда пришли на пруд и стали ловить рыбу, то, как на грех, Ване ничего не попадалось, а Александр Николаевич как закинет удочку, так и тащит рыбку. Увидел Александр Николаевич, что Ваня насупился, и говорит ему: «Что, Ваня, не клюет рыбка? Беричка мою удочку да половi». Какое удивительное проявил внимание к деревенскому пареньку Александр Николаевич, чтоб доставить ему удовольствие.

Но не все и не всегда было хорошо и гладко. Однажды отцу пришлось и покраснеть перед Александром Николаевичем. И эта история осталась памятной ему навек.

Всем мальчишкам присущи шалости. Как-то раз пришел отец к Александру Николаевичу, а тот был занят, и вести занятия должна была дочь Александра Николаевича — Мария Александровна. В этот день к Марии Александровне приехал ее жених. И молодая учительница перед своим женихом от всей души восхищалась одаренностью в учении Вани и пригласила своего жениха на урок.

Пришла она в кабинет, где обычно велись занятия, а там никого не было. Воспользовавшиеся тем, что Александр Николаевич был занят, все мальчишки вместе с Ваней решили сделать себе перерыв в учебе и ушли в лес разорять птичьи гнезда.

Узнал об этом Александр Николаевич, вызвал отца моего одного и начал стыдить его, да так, что он рад был сквозь землю провалиться. С тех пор Ваня не только к гнездам птичьим не подходил и не разорял их, а и другим мальчишкам делать это не позволял.

С большой любовью каждый раз отец рассказывал об Александре Николаевиче, и рассказывать об Островском любил не только своей семье и близким родным, но и всем интересовавшимся жизнью великого драматурга. Уже будучи в преклонных годах, отец с большим желанием и любовью работал в музее А. Н. Островского, делая все, чтоб каждый, кто побывает в музее, еще больше узнал о прекрасных душевных качествах А. Н. Островского.

К. НОВОЖИЛОВА,
дочь Ивана Ивановича Соболева, ученика А. Н. Островского.
г. Кострома.

Вечера, выставки, спектакли...

150-летие со дня рождения А. Н. Островского для жителей нашего района—юбилей особенно дорогой и близкий. А. Н. Островский очень любил наш край, часто бывал в Щелыкове, написал здесь немало замечательных произведений.

К этому юбилею мы готовимся уже сейчас. В клубах и библиотеках проходят вечера «А. Н. Островский — великий русский драматург», «Он любил наш край», посвященные этой дате обзоры литературы, оформляются тематические выставки, драмколлективы и народный театр готовят к постановке пьесы замечательного драматурга.

Недавно состоялось районное совещание работников культуры. Заведующие клубами и библиотеками обменялись опытом работы, поделились планами на будущее.

М. КИСЕЛЕВ.

Посвящается великому драматургу

На днях Чухломский народный театр открыл свой новый седьмой сезон. На встречу с коллективом пришли жители райцентра — любители театрального искусства. Они многого ждут от коллектива в в этом сезоне, ведь впереди 150-летие со дня рождения А. Н. Островского.

К юбилею замечательного русского драматурга народный театр готовит две его пьесы: «Пучина» и «Бедная невеста». В спектаклях будут заняты директор кинотеатра И. Рэй, бухгалтер ремстройучастка Р. Волнухина, инструктор райкома партии Н. Ковалев, мастер дорожного участка В. Федоров, медсестра Т. Волкова, председатель пожарного общества Б. Попов и другие самодеятельные артисты.

В январе 1973 года в сельских домах культуры пройдет декада пьес А. Н. Островского.

М. СМИРНОВ,
зав. Чухломским райотделом культуры.

ЩЕЛЫКОВСКИЕ ВСТРЕЧИ

ПОГРУСТНЕЛИ тихие, подпирающие небо липы, что вот уже добрую сотню лет стоят под окнами дома Александра Николаевича Островского... Осень властвует сегодня на щелыковской земле, хотя уже и теперь не столь многие обитатели этого заповедного уголка России живут думами о весне будущего года. Весна предстоит хлопотная, шумная, разноязычная: ведь в апреле будет отмечаться стопятидесятилетие со дня рождения великого русского драматурга, который подолгу живал в этой усадьбе, создавал здесь удивительные произведения, бродил вот по этим тропкам и здесь же окончил свой житейский путь, оставив идущим вослед поколениям не знающие смерти творения...

Я иду из усадьбы по слегка размокшей после недавнего дождя дорожке в Николо-Бережки, где под березами, у стен старой церкви, покоится прах великого писателя России. Иду и вспоминаю свои недавние встречи с людьми, в судьбы которых Александр Николаевич вошел с юных лет своими дивными созданиями, кого они боготворят всю жизнь.

...Ксения Ивановна Тарасова прикладывает к уху хрупкую ладошку, чтобы лучше расслышать собеседника. Глаза у нее внимательные, добрые, глаза много повидавшего на свете человека. Я смотрю на Ксению Ивановну и чувствую все яснее, что уже видел ее, и не однажды. Но где? Конечно, нет сомнения, что она похожа на свою однофамилицу — Аллу Константиновну... И тогда на помощь приходит сама Ксения Ивановна.

— Вы пытаетесь вспомнить, где видели меня? — и улыбка разглаживает ее морщинки, глаза молодеют. — Ну, пожалуй, в кино или на сцене Малого театра, если бывали на наших спектаклях... Вот недавно по телевидению показывали старый фильм «Валерий Чкалов»... Там я играла роль Ольги Эразмовны, жены великого летчика... Вижу, что вспомнили...

В кино я снималась не столь много, потому что для меня всю жизнь на первом месте был театр. Он околдовал меня с юных лет, ему я отдала лучшие годы жизни... А из драматургов для меня никогда и никого не было ближе, чем Александр Николаевич Островский... — Ксения Ивановна задумалась, долгим взглядом окинула подступивший к Николо-Бережкам лес, роняющий багряный свой убор, и продолжила: — Я почти каждый год приезжаю в эти благословенные места, часто прихожу на могилу Александра Николаевича, чтобы посидеть вот здесь, на скамеечке, послушать грачиный гомон над колокольней, прислушаться к шороху листвы, услышать издалека звук пастушеского рожка и представить хоть на минуту, что где-то рядом ходит по щелыковским полям златокудрый Лель... Я люблю бывать в Ярилиной долине, где берендеи встречали солнце, часто подхожу к оврагу, где Мороз сторожил свою Снегурочку... И, вы знаете, мне кажется, что здесь повсюду в природе чувствуется дыхание Александра Николаевича. Мнится мне порой, что он сам где-то рядом и мы, ныне живущие, продолжаем его волшебную жизнь...

Я стараюсь не задавать вопросов своей почтенной собеседнице, чтобы не нарушить ее лирический, душевный монолог, который льется так легко и свободно.

— Всегда, когда я бываю здесь, я приношу благодарность Александру Николаевичу за то, что он для актрис русского и мирового театра написал образы женщин наиболее многогранно, наиболее глубоко. И, кроме того, он выразил в наших русских женщинах силу духа, могущего побеждать смерть, — продолжает свой импровизированный монолог старая актриса. — Я играла многих молодых героинь в его чудесных пьесах. Что можно сказать о них? Они гибли, но никогда не сламывались, никогда не сдавались... И нет такого драматурга на свете, который бы так верно описывал женщин и давал такой богатейший материал для актрис... Я преклоняюсь перед гением Александра Николаевича и счастлива, что за многие годы работы на старейшей русской сцене сыграла почти во всех его пьесах...

...А потом мы вместе шли по тропинке, ведущей к усадьбе. И я был благодарен судьбе, что она подарила мне эту встречу с одной из воспитанниц «Дома Островского» — заслуженной артисткой РСФСР Ксенией Ивановной Тарасовой, и не где-нибудь, а на заповедной щелыковской земле, где все живет и доныне памятью о великом сыне России.

* * *

Хотя и не так уж часто, а за одной хорошей встречей бывает и вторая, не менее хорошая и интересная. На этот раз с гостем из Ленинграда, профессором, доктором филологических наук Абрамом Акимовичем Гозенпудом. Это имя хорошо известно в музыкальных кругах нашей страны, поскольку профессор является автором многотомного труда «Русский оперный театр XIX века». Вначале я думал, что он приехал просто отдохнуть в этих местах, но оказалось, что у Абрама Акимовича более широкие цели, что в его жизни Островский занимает не последнее место.

Рассказ свой он начал так:

— Мне пришлось писать об Островском в своей книге «Русский оперный театр XIX века». Уже вышло четыре тома этого издания. Сейчас готовится к печати пятый. Мне пришлось в этих книгах писать и о «Снегурочке» Римского-Корсакова, и о «Воеводе» Чайковского, и о «Вражьей силе» Серова. И не только о тех композиторах, которые непосредственно отзывались на творчество Островского... С великим драматургом, как мне представляется, связано творчество и тех музыкантов, которые непосредственно не отражали в своих операх его образы, — профессор остановился у березки, потрогал тонкими пальцами багряные листки. — Вы знаете, мне представляется, что Наташа из «Русалки» Даргомыжского ближе героиням Островского — Катерине в «Грозе», чем героине «Русалки» Пушкина. Вернее сказать, она равно близка и героине пушкинской драмы, и героине Островского. Это понятно: Даргомыжский был современником Островского и высоко ценил его творчество...

Сейчас делом ближайших месяцев для меня является завершение книги об Островском. Условное ее название «О природе театральности драматургии Островского», где мне бы хотелось сказать о волшебной силе слова Александра Николаевича, о необычайном мастерстве построенных характеров, действия, о глубоком проникновении во внутренний мир человека и о том, что взгляд на Островского, как на бытописателя, неверен и ограничен. Ибо Островский воспроизводит быт лишь в той степени, в какой он связан с духовной жизнью человека. Для него главное — не быт (хотя он понимает, что вне быта не может существовать человек), а сам живой человек, его внутренний мир, его духовное содержание, чистота его сердца, благородство его помыслов или, наоборот, жестокость, злоба, ненависть к добру, что Островский беспощадно клеймит. Эту книгу я намереваюсь скоро закончить, с тем, чтобы она в будущем году вышла в издательстве ВТО, где она запланирована к дню юбилея...

...Мы шли неторопливо, часто останавливались, чтобы полюбоваться близким предвечерьем, пристальней вглядеться в пожухлые травы, в золоченую россыпь опавшей листвы. Профессор говорил раздумчиво, неторопливо...

— Уезжая отсюда, я увезу незабываемую память о красоте природы, которую я видел доселе только на картинах русских художников... Мне кажется, что я увидел оригиналы тех полотен, к которым привык с детства, — мой собеседник вновь замедлил шаг.— Порой чудится, что все это я видел у Левитана или Поленова, хотя они не писали щелыковских мест... Могу сказать вам прямо, что такой красоты русской природы я до сих пор не знал... И думаю, что творчество Островского, любимого мною с детства, стало мне еще ближе, благодаря этому общению с природой, которое его так дивно вдохновляло...

Увезу я отсюда и добрую память о людях, преданных Островскому... Не могу не сказать слова благодарности и сотрудникам музея-заповедника, которые любовно собирают и восстанавливают обстановку, внутреннее убранство дома Александра Николаевича... И, знаете, несмотря на то, что многих предметов в этом доме нет, все равно, когда входишь в комнаты, особенно в кабинет, то рождается ощущение, что великий хозяин дома только что вышел и вот-вот вернется. Душа Островского продолжает жить в этом доме...

...Мы и не заметили, что впереди показался этот знакомый тысячам людей в нашей стране дом — дом, к которому никогда не зарастет народная тропа. И мы вновь увидели устремленные в небо старые липы, что были посажены самим щелыковским волшебником. Профессор стоял, низко склонив голову... Молчание было долгим, потому что здесь слово принадлежало только Александру Николаевичу Островскому. И только ему.

А. ПРЖИАЛКОВСКИЙ.
Кострома—Щелыково.